

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A. E. Laiou - Thomadakis. *Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study*. Princeton. New Jersey: Princeton University Press, 1977. XIV+332 p.

Исследование А. Е. Лаю-Томадакис охватывает широкий комплекс проблем демографии и социально-экономической истории поздней Византии, отражающих положение феодально зависимого крестьянства в XIII—XV вв. Оно содержит развернутые характеристики сельского поселения, системы родства, изменений демографической структуры поздневизантийского крестьянства, анализ данных ономастики и топонимки. В нем уделяется большое внимание социально-экономическому положению феодально зависимого крестьянства, в частности поземельно-имущественным отношениям в поздневизантийской деревне.

Исследование основано на изучении документальных материалов, относящихся преимущественно к европейским провинциям Византии (Македонии), с привлечением дополнительных сведений нарративных источников, эпистографии, памятников права и т. д. Была использована значительная по объему группа не опубликованных в период написания монографии практиков и периорисмов, происходящих из архивов афонских монастырей.

Изучение демографии крестьянского населения поздней Византии проводилось с учетом новейших достижений в этой области, относящихся к западноевропейскому средневековью. Широко применены методы математического анализа демографической структуры и имущественного положения поздневизантийского крестьянства. Результаты статистическо-математических изысканий отражены более чем в 50 таблицах и графиках, размещенных в основной части монографии и двух приложениях.

Первая глава рецензируемого труда посвящена постановке проблемы и обоснованию методов исследования. Последние века существования Византии, по мнению Лаю-Томадакис, были наполнены значительными преобразованиями византийского общества. Решающим фактором, обусловившим характер общественных изменений, являлось быстрое развитие феодализма. Во главу угла ставится изучение экономического и социального положения, демографической структуры крестьянского населения страны.

Исследовательница заявляет о существ-

венных различиях жизненных условий и общественного положения зависимого крестьянства во владениях монастырей и светских собственников. Признано, что степень различия общественных позиций париков монастырей и крупных светских феодалов по отношению к их господам (social relations) менее выражена в сравнении с различием общественных позиций париков монастырей и мелких и средних землевладельцев по отношению к их господам. Иными словами, автор пытается определить специфику парической зависимости в соответствии с типом феодального землевладения (монастырским землевладением, крупным или мелким светским землевладением) (с. 11—12). Этот тезис будет развит в последующих разделах работы, но необходимо заметить, что сделанный вывод не адекватен высказанному автором монографии положению о различиях «экономических условий» существования париков в феодальных владениях различного типа. В свою очередь нам кажется более убедительным говорить о том, что в поздней Византии, когда феодальное поместье нередко меняло владельца, когда монастырские владения стали важным источником земель для испомещения пронаров, усиливалась тенденция, ведущая к стиранию существенных различий в общественном положении и уровне жизни париков в феодальных владениях различного типа.

Обоснование математических методов исследования зиждется на справедливых и правомерных суждениях о возможности их применения при изучении материалов практиков, охватывающих 1547 катастиков. Приводится «анкета», использованная для обработки информации. Особо оговариваются ошибки, могущие повлиять на конечный результат. Наиболее серьезными признаются ошибки, связанные с неправильной интерпретацией получаемых данных (с. 15—16). Можно солидаризироваться с Лаю-Томадакис в том, что применение количественных методов должно выступать в качестве вспомогательного средства исследования и сопровождаться исторически обусловленной интерпретацией (с. 23).

Вторая глава монографии содержит анализ типологических черт византий-

ского села и характеристику отдельно рассматриваемого хорона Гомату. Изучение византийского села начинается с описания географического ареала, представленного используемыми источниками, и выяснения его природно-климатических особенностей. Характеризуется достигнутый уровень производительных сил. В частности, Лау-Томадакис присоединяется к мнению исследователей, считающих южные районы Балканского полуострова зоной распространения двуполья (с. 29), и далее высказывает суждение о том, что средняя урожайность зерновых культур в средневековой Македонии достигала уровня сам-три (с. 68). Автор подчеркивает, что отраслевая структура сельского хозяйства зависела не только от географических и климатических особенностей региона, но приобрела присущую ей специфику под воздействием социально-экономических отношений, характерных для поздневизантийской деревни (с. 32—33).

При изучении сельского поселения обращено внимание на факт принадлежности селения нескольким феодальным владетелям одновременно. Для воссоздания облика хорона необходимо суммировать сведения, относящиеся, как правило, к отдельным его частям, которые находились во владении различных феодальных собственников (с. 38). В этой связи отвергнуто утверждение, что население балканских сел имело ограниченные размеры (с. 42). Думается, однако, что приведенные примеры македонских сел (хороны Гомату, Селада, Радоливо) не могут быть признаны типичными для Балканского полуострова. Окончательное решение проблемы упирается в вопрос о типологии византийского сельского поселения, которая predetermined в большой мере природно-географическими условиями, например возможностью концентрированного размещения культивируемых плодородных земель, сосредоточения больших компактных групп населения. Действительно, наиболее многочисленные поселки имели наибольшую плотность населения; там находились значительные комплексы культивируемых пахотных земель (зевгарей) (с. 43—44).

Лау-Томадакис поднимает вопрос об экономических, фискальных и административных функциях сельского поселения. Прежде всего, село являлось производственной единицей. В XIV в. пожалование феодалу села или его части, как правило, означало передачу его в физическое владение, т. е. феодалу уступались не только государственный налог, но и право эксплуатации крестьянства, выражавшееся в передаче феодальной ренты. Условия эксплуатации зависимых крестьян определялись незафиксированным в практике соглашением феодала с его париками, заключаемым на основе местных обычаев (с. 46—48).

Проблема сохранения в поздневизантийской деревне сельской общины в ходе исследования изучается косвенным образом. Намечая преемственность между поздневизантийской общиной и общиной X—XI вв., автор полагает, что основ-

ной характерной чертой общины была коллективная податная ответственность, из которой происходили «сопутствующие коллективные права на землю» (соconcomitant rights in the land). Вместе с тем сельская община являлась не только фискальной, но и экономической и юридической единицей. Впрочем, оговорено, что указанная проблема требует специального исследования, которое выходит за рамки работы (с. 48—49).

Рассматривая права предпочтения как элемент поземельных отношений свободной общины, исследовательница отмечает сдвиги, наблюдающиеся в реализации этого права в поздневизантийской деревне. В отличие от общины X в. в XIV в., по ее мнению, право предпочтения активно использовалось представителями феодального землевладения (с. 49, 53—54). Проблема поземельных отношений зависимого села и феодала решается на основе анализа понятия «τά δίκαια». Справедливо полагая, что под ним скрываются имущественные права общинных коллективов и отдельных феодальных собственников на принадлежавшие им земельные владения, Лау-Томадакис подчеркивает, что если для крестьян-общинников упомянутые «права» обозначали не что иное, как традиционно принадлежавшие общине земли, которые они культивировали, то для феодала «права», отличавшиеся коренным образом от «прав» крестьянства по своей природе и происхождению, выражались в праве феодального собственника эксплуатировать зависимое крестьянство в его владениях. Решение проблемы социально-исторического содержания термина «τά δίκαια» приводит исследовательницу к важному выводу о том, что село оставалось «коллективной единицей» (collective unit), несмотря на пожалование его крупному феодальному собственнику. И хотя это заключение сопровождается оговоркой, что в качестве «коллективного единства» (collective entity) село XIV в. рассматривалось только в глазах фиска, по существу этот вывод содержит признание в том, что сельская община сохранялась и в поздневизантийское время (с. 50—52).

Характеристика поздневизантийского села как фискальной единицы включает рассмотрение вопроса о коллективном податном бремени общины, традиционно уплачивавшей офелию, аир и различные десятины. В тесной взаимосвязи с податными обязанностями общинного крестьянства изучаются проблемы прогнессиса и «заброшенных земель» (экзалеим). Поздевизантийская община утратила многие функции, присущие общине X в., в том числе сельская община XIV в. не несла податной ответственности за «заброшенные земли» (с. 58).

Анализ производственных отношений в поздневизантийском селе позволяет сделать автору рецензируемого труда ряд ценных наблюдений. Фундаментом экономических отношений жителей села с феодальными землевладельцами служили совместные действия крестьянства (the villagers acted in common). Вместе с тем заявляется, что «экономическое

«единство» сел, которые одновременно принадлежали разным феодальным собственникам, разрушалось. Представляют также интерес материалы об имущественной дифференциации зависимого крестьянства. Безусловно, именно анализ производственных отношений положен в основу приведенного тезиса исследовательницы о различиях социальных позиций отдельных групп частновладельческих крестьян по отношению к их господам (с. 59—61).

Имеет важное значение вывод о том, что отношения крестьян с крупным землевладельцем отражали определенную степень сплоченности зависимого села и представляли их как юридическое единство. Но рассказ об организации внутренней жизни села не отличается большой глубиной. Интересы односельчан на судебных процессах представляли номики, священники, «лучшие» — богатейшие и старейшие жители села. В нескольких словах раскрывается роль «старцев» и «протостарцев» в управлении односельчанами. Историк показывает, что особенности административно-судебной практики на селе зависели от уровня развития феодальных отношений (с. 62—64).

В главе «Семья и родство» Лауу-Томадакис опирается на положение, гласящее, что семья является сложным социобиологическим образованием, крепко спаянным экономическими функциями. Практики позволяют лишь ограниченно исследовать демографические и социальные характеристики крестьянской семьи. В работе сделана попытка сформулировать дефиниции простой кровнородственной семьи (family) и семейства, члены которого составляли единое домашнее хозяйство (household), для установления типологических схем семейно-родственных отношений крестьян, перечисленных в практиках XIV в. Выдвинутый критерий — отношения собственности в семье — оказывается малоприменимым для определения различий между family и household. Тем не менее отношения собственности — важный фактор существования крестьянской семьи, члены которой обладали общей собственностью. Семья представлена как непрерывно эволюционирующее и постоянно изменяющее свою структуру образование. Одно из важнейших наблюдений, сделанное в указанной части исследования, свидетельствует о сохранении производственной кооперации и хозяйственного сотрудничества между обособившимися крестьянскими хозяйствами (с. 74—75). Изучение структуры семьи показывает, что для македонских париков типичной являлась семья, состоявшая из супружеской четы и их не вступившего в брак потомства (nuclear family). Сохранялось, однако, значительное количество больших семей (extended family). Структура крестьянских семей во владениях пронаров не отличалась от структуры семей монастырских париков, т. е. данные о семье монастырских париков приложимы ко всему зависимому крестьянскому населению Македонии (с. 79—80).

Оценивая при помощи проведенного корреляционного анализа влияние экономических факторов, и прежде всего размеров земельного надела на структуру семьи, Лауу-Томадакис показывает, что прямая зависимость размеров семьи от величины земельного держания отсутствует. Основным источником средств существования для большинства монастырских крестьян являлась культивация господского домена, так что размеры крестьянских держаний не были главным фактором в экономике крестьянской семьи и не играли значимой роли в формировании ее структуры (с. 85—88).

Значительное место в рамках настоящей главы занимает изучение статуса главы семьи, особенно когда в этом качестве выступала женщина, и системы родственных связей. Регистрация отношений родства в практиках имела немаловажное значение для установления прав наследования крестьянских имуществ. Восстановление общей картины родственных связей семей, ведущих самостоятельное домашнее хозяйство, позволяет говорить о достаточно высокой степени сохранения родственных отношений между членами различных крестьянских хозяйств деревни (44%). Сопоставление сведений о родстве приводит исследовательницу к проблеме стабильности населения отдельных сел (с. 98—104). К сожалению, в данном случае результаты демографического анализа не сопоставляются со сведениями о социальном (помимо элтеров) и этническом составе населения сел Македонии.

Исследование антропонимических данных, содержащихся в практиках XIV в., лежит в основе четвертой главы «Имена». До начала XIII в., как предполагает Лауу-Томадакис, фамильные (родовые) имена крестьян Македонии не отличались стабильностью, позволявшей им сохраняться более чем в двух-трех поколениях (с. 128). В поздневизантийский период происходит длительный процесс образования и закрепления фамильного имени за представителями семьи и ее потомками на протяжении ряда поколений. Коренная причина крылась в оформлении определенных социальных отношений в византийской деревне. В то время как тесное крестьянское общество при регулировании поземельно-имущественных отношений могло положиться на традицию и установленное семейное родство, развитие феодального землевладения делало необходимым гарантированную идентификацию крестьянских держаний. Деятельность представителей бюрократического аппарата заметно усилила процесс стабилизации парических семейных имен. Фамильные имена париков образовывались от обозначений ремесленной специальности и профессии, топонимов, прозвищ, указаний семейного родства. Формирование фамильных имен в группе малоимущих крестьян-элтеров отставало по сравнению с другими категориями крестьянства (с. 118—120). В XIV в. в сопоставлении с материалами предшествующих и последующих веков увеличивается доля имен, происходивших из

обозначений профессий и топонимов, что и отражало, по мнению специалиста, усилия бюрократии по созданию эффективной системы идентификации представителей зависимого крестьянства (с. 138—139).

При анализе конкретного материала исследовательница исходит из убеждения, что фамильные имена, происшедшие от названия ремесленных специальностей и топонимов, отражали в той или иной степени реальные условия жизнедеятельности индивида или его предков. С именами, происшедшими от топонимов, связан вопрос о миграции сельского населения (с. 128—130). Вместе с тем в интерпретации имен, происшедших от этнонимов, проявлена известная осторожность. Внимание заострено на именах славянского происхождения, соотношение которых особенно велико среди населения района, прилегающего к Струмице. Неопубликованный практик Ивирского монастыря 1320 г., который содержит сведения о 55 хозяйствах, расположенных в этом районе, свидетельствует, что 76% глав хозяйств носили славянские имена. Тем не менее Лапу-Томадакис заявляет: «Конечно, было бы опасно пытаться извлечь надежные выводы об этническом составе населения сельской местности Македонии в XIV в. просто из свидетельства имен. Однако нельзя пренебречь этим свидетельством» (с. 130—135). Автор монографии не решается вынести окончательное заключение об этническом содержании крестьянских имен и отказывается от комплексного исследования этнического состава населения Македонии.

Необходимо напомнить, что проблема этнического состава населения указанного региона уже не раз затрагивалась в исследованиях историков. Среди различных аспектов этой проблемы рассматривалась возможность определения этнической принадлежности отдельного лица по личному имени. Некоторые исследователи оспаривают правомерность установления этнической принадлежности лиц славянского происхождения по их личному имени (индивидуальному имени, родовому имени, прозвищу)¹. Все же этот метод нашел применение при исследовании материалов практиков и других документов в работах Ф. Дэльгера, Г. А. Острогорского, И. Дуйчева². Позитивный опыт решения данной проблемы, накопленный этими учеными, поз-

воляет сказать, что отказ от воссоздания этнической карты сельских районов Южной Македонии является существенным пробелом современного комплексного исследования этого региона. Реконструкция этнического облика южномакедонских сел помогла бы полнее использовать информацию демографического характера и, возможно, интерпретировать некоторые факты социально-экономического положения зависимого крестьянства. Остается также неразвитым тезис автора о наличии у славян определенного типа большой семьи (*laterally extended household*) (с. 132—133). Наши предварительные наблюдения показывают, что сохранение тесных уз родства среди жителей отдельных сел характерно в первую очередь для семейно-родственных кланов славянского происхождения.

Пятая глава «Зависимый крестьянин и его держание» занимает ключевое место в рецензируемом труде. В ходе изучения статуса парика отмечается, что большая часть македонского крестьянства палеологовского времени являлась париками (с. 144). Преступая хронологические рамки XIII—XIV вв., историк проследживает развитие парической зависимости византийского крестьянства, выражавшееся в формировании феодальной ренты. Такой подход к рассматриваемой проблеме позволяет говорить о том, что парик находился как в личном, так и в экономическом отношении в подчинении у феодала (с. 150). Взгляды исследовательницы на вопрос о воспроизводстве отношений парической зависимости от поколения к поколению крестьян, пожалованных феодалу, отличаются своеобразием. Высказано утверждение, что в XI—XIII вв. зависимость парика от феодала не была наследственной для всех потомков парика. Пожалование париков являлось преимущественно предоставлением доходов и не предопределяло наследственность статуса парика (с. 152—155). Нет определенных доказательств также наследования статуса парика его потомками в XIV в., поскольку можно наблюдать, как парики меняли своих господ в течение нескольких лет (с. 155—156). Судя по замечаниям в отношении зависимых крестьян XIV в. сделанным в последующих разделах работы, автор все же предполагает, что статус парика наследовался всеми его потомками в границах феодального владения (с. 264).

Несомненно, система доказательств оставляет широкую брешь для возражений и даже ставит под сомнение изложенную концепцию американской исследовательницы. Обращаясь к использованным ею документам, трудно обойти молчанием положение хрисовула Никифора Вотаниата 1079 г., закреплявшее наследственную преемственность парических обязанностей для последующих поколений зависимых крестьян монастыря³. Также нельзя игнорировать свидетельство полу-

¹ *Stanojević St.* Лична имена и народност у Србији и средњег века. — *Јужнословенски филолог*, 1928—1929, VIII, с. 151—154.

² *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, S. 187; *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965, с. 42—56; *Дуйчев И.* Славянски местни и лични имена във византийските описни книги. — *Известия на Институт за български език*, 1962, кн. 8, с. 197—215; *Dujčev I.* Slavica dans les Acta Athoa, I. — *Byzantinobulgarica*, 1978, V, p. 289—296.

³ *Lavra, I, N 38.* 24—26: οὐκ ἄλλοθεν ἀναπληροῦσθαι ὀφείλοντα τοῖς μοναχοῖς ἀλλ' ἢ τῶν παιδῶν αἱ ἐγγύων τῶν προσκεκληρωμένων τῇ μονῇ δουλοπαροίκων.

ченного игуменом монастыря Богородицы Елеусы в 1156 г. позволения воздержаться от раздела парических хозяйств в пользу последующего поколения зависимых крестьян монастыря⁴. Очевидно, лица, жаловавшие грамоты, исходили из того, что парические обязанности будут исполняться наследственно, т. е. иго парики являлось наследственным жребием феодально зависимого крестьянства. Освободиться от него можно было только при помощи специального разрешения, о чем свидетельствует судьба священника Модена и его зятя Михаила Воркина⁵ — пример XIV в., односторонне истолкованный автором монографии (с. 150).

Вместе с тем конкретный материал показывает, что в жизненной практике узы парической зависимости не поддерживались с должной устойчивостью. В рамках рассматриваемой концепции подобное положение объясняется условиями жизни париков, различающимися в зависимости от статуса феодального господина. В силу того что мелким светским феодалам жаловались определенные доходы, получаемые с зависимого крестьянства, число крестьянских хозяйств, находящихся в их владении, должно оставаться неизменным. «Избыточные» хозяйства, возникшие в результате естественного прироста населения, обязательно принадлежали феодалу. Напротив, монастыри, которым жаловались целые селения, получали их вместе с землями и обитателями в физическое владение. Поэтому парики, появившиеся в результате роста населения феодального владения сверх установленного числа, не изымались из его пределов (с. 156—158).

Подробно освещается широкий круг вопросов, касающихся землевладения, налогообложения и имущественной дифференциации крестьянства. Исследовательница приходит к выводу, что в условиях развитых классовых противоречий непосредственный производитель — земледелец, вынужденный нести непомерные для него издержки при возделывании зерновых культур, на своем поле ограничивался культивацией виноградников (с. 175). Права собственности зависимого крестьянина, присвоенные феодалом, сохранялись, как традиция, в рудиментарном виде. Экономические взаимоотношения феодала с париками выражались в заключении частноправовых соглашений, предусматривающих уплату в качестве подати доли урожая с пахотных участков (зевгарей) (с. 164). Высота телоса (государственного налога, делегированного феодалу) выступает как критерий имущественной дифференциации крестьянства (с. 180—181).

Уделяется внимание также вопросу об отчуждении и наследовании крестьянами их держаний. Собственно говоря, речь идет о гониконе, права распоряжения и наследования которым сохраняли парики-гоникарии. Наряду с тем утверж-

дается, что аналогичные права на наследственные владения, находившиеся в полной собственности, присущи крупным феодалам (с. 184). Трудно не заметить здесь прямого заблуждения, ибо владельческие права зависимого крестьянства уподобляются правам феодальных господ. На самом деле для основной массы крестьян обоснованием прав собственности на землю являлась наследственность держания. Гоникон же феодального владельца мог быть имуществом приобретенным⁶.

Говоря об обезземеливании крестьянства, исследовательница называет основные моменты этого процесса, типичные для поздней Византии. В первую очередь дарение париками мелких долей земли монастырям (с. 182). Предполагается, что парики стремились избавиться от своих парцелл с целью избежать налогового бремени (с. 185). Но лишенные необходимого минимума земли в результате дробного наследования, крестьяне приобретали ее, возделывали некультивируемые участки земли и арендовали их (с. 196—197). В условиях малоземелья аренда пахотной земли становилась наиболее приемлемым выходом из создавшегося положения для большинства крестьянских хозяйств (с. 203). Однако приведенные факты не объясняют сами по себе сути процесса обезземеливания как одной из граней поземельных отношений поздневизантийского села. Безусловно, в XIII—XIV вв. масса надельных крестьянских земель перешла в руки феодалов. Но еще прежде феодальные землевладельцы, усиливая свой натиск на общину, лишили ее земельного резерва — неподеленных общинных владений, угодий. «Оскудение общины» привело к нарушению сложившейся системы землепользования общины: вновь образовавшиеся хозяйства не могли быть наделены дополнительными участками земли за счет неподеленного фонда земель. В то же время сохраняющая свои традиционные формы система наследования плодила малоземельные крестьянские хозяйства. Представители же господствующего класса использовали благоприятные условия для приобретения крестьянских наделов. Источенное крестьянское хозяйство прибегало к продаже и аренде земли как к последнему средству продлить свое существование.

Остается только прибавить, что в разделе «Крестьянин и землевладелец» исследовательница излагает свои наблюдения об интенсифицирующихся тенденциях обеднения различных групп парических хозяйств (с. 206), приводит новые аргументы против мальтузианской теории, ибо обеднение поздневизантийского села протекало в условиях уменьшения численности крестьянского населения (с. 208, 210). И наконец, анализируя характер рентных отношений, Лану-Томадакис убедительно раскрывает перед читателем феодальную природу ренты. Государство, присваивавшее наряду с налогом ренту, также выступало в качестве феодального

⁴ Notre-Dame, I, N VI, p. 32. 19—25.

⁵ Chil., N 14, 15.

⁶ BA, № 25.

землеладельца. Изучив конкретные виды рента, автор монографии приходит к заключению, что рента являлась не просто символом феодальной собственности, но обладала реальным экономическим содержанием (с. 214—221). Не подлежит сомнению, что очерк, посвященный анализу рентных отношений, следует признать одним из наиболее ярких разделов исследования.

Содержание последних глав монографии отражает результаты изучения демографических процессов, происходивших в среде македонских крестьян. В центре внимания оказываются изменения численности и состава жителей сельских поселений, населения монастырских владений, миграция крестьян. Изучение коэффициента домашнего хозяйства — *household coefficient* (средних размеров семьи как результата отношения числа жителей хорюна к количеству крестьянских хозяйств) обнаруживает господствовавшую в первой половине XIV в. тенденцию к увеличению числа малых семей. Однако автор вопреки мнению других демографов считает, что эта тенденция не имеет решающего значения, поскольку постоянно происходило формирование новых больших семей (с. 227—228). Скругленные наблюдения изменений численности и состава жителей сел во владениях различных монастырей показывают, что в первую очередь, они обусловлены воздействием ряда социально-политических и экономических факторов (вторжением католонцев, гражданской войной 1320-х годов, прогрессирующим обеднением крестьянских масс) (с. 254). Отмеченные изменения рассматриваются также как последствия естественной смертности и миграций, определяемых трудовой занятостью и заключением брака (с. 258—260). Кстати, значение последних факторов, на наш взгляд, явно недооценено.

Сопоставление данных обследований (в ходе которых были устранены неточности, допущенные Г. А. Острогорским и другими учеными, с. 287—288) возрастной структуры, рождаемости и естественного воспроизводства населения свидетельствует о демографическом спаде (с. 291—292). Все же полученные результаты, думается, лишь в определенной степени приближаются к реальной действительности. Особенно значительной может быть погрешность в определении уровня рождаемости. За период между двумя цензами (17—20 лет), если исходить из предположений Лауу-Томадакис (с. 296), женщина могла родить до 7—10 детей, из которых имена двух-трех выживших детей оказывались внесенными в практики.

L. Mavromatis. *La fondation de l'Empire serbe. Le kralj Milutin.* Θεσσαλονίκη, 1978. 176 p.

Монография Л. Мавроматиса открывается небольшим вступлением, автор которого А. Гийу отмечает, что представляемая им книга дает основания для ответа на многие сложные вопросы, возникающие в ходе изучения сербской истории конца XIII—начала XIV в., и является, по мысли исследователя, вве-

Кроме того, установить размеры ошибки, predetermined значительным изменением состава парического населения монастырских владений, пожалуй, невозможно. Ведь историк не располагает сведениями о родственниках, возрасте и прочих лиц, выбывших и вновь прибывших в феодальное поместье. Вероятно, эти причины способствуют в значительной мере сдвигу возрастной шкалы населения, получаемой по материалам практиков, в сторону групп жителей старшего возраста. Сама же исследовательница допускает крупные поправки в данные о рождаемости и приросте населения даже при условии фактического уменьшения его численности (с. 291—294).

В рецензии невозможно обсудить все проблемы, затронутые в исследовании Лауу-Томадакис. Остаются нерассмотренными нами характеристики общественного положения стратиотов, элевтеров и другие интересные вопросы. Очевидно, могут быть внесены некоторые добавления и уточнения. Скажем, трудно согласиться с использованием определенных терминологических понятий, таких, как «экономика труда» (*economies of labor*), достигаемая, по выражению исследовательницы, в крупных крестьянских хозяйствах (с. 200—202), «сельскохозяйственный капитал» (*agricultural capital*) — термин, примененный по отношению к средствам производства (с. 158).

К положительной стороне рецензируемого труда могут быть отнесены самостоятельность исследовательских поисков автора, введение в научный оборот материалов многочисленной группы документов. Исследование характеризуется их всесторонним анализом. Но иногда новизна и обилие материалов обуславливают эмпиричность сделанных выводов, имеющих характер наблюдений над реальным содержанием источника. В определенной степени это затрудняет обобщение полученных результатов. Например, уровень развития сельского ремесла прослеживается не в главе, содержащей общую характеристику села, как можно было бы ожидать, а в связи с изучением имен крестьян, происшедших от названия профессии и ремесленной специальности, — в главе «Имена» (с. 126). Нередко по этой причине появляются повторные оговорки и замечания. Отсутствие заключения, в котором были бы кратко сформулированы основные итоги исследования, несомненно, препятствуют правильному пониманию научных позиций историка.

Ю. Я. Вив

дением к значительному подготавливаемому им труду по истории сербского общества XIV в.

В хронологическом отношении тему работы охватывают 1282 (приход к власти Стефана Уроша II Милутина) и 1331 гг. (приход к власти Стефана Уроша IV Душана). Объясняя выбор хронологиче-